

Г. В. БЕЛЬТИКОВА

ИТКУЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ

Первые заключения о культуре этих поселений сделаны П. А. Дмитриевым¹. Проанализировав материалы Иртышского I городища, он датировал его IV—III вв. до н. э. и пришел к выводу, что оно принадлежало металлургам, охотникам, скотоводам, земледельцам и знаменовало поздний этап развития шигирской культуры. Последующие раскопки в Зауралье позволили существенно расширить представления о преемниках Восточно-Уральского общества эпохи неолита и бронзы. В 40—60-е гг. в лесном Зауралье среди прочих были выделены две культуры эпохи раннего железа: иткульская — К. В. Сальниковым², исетская — Е. М. Берс³.

Время первой V—IV вв. до н. э., территория — север Челябинской, Курганской и юг Свердловской областей. Ее генетический предшественник — черкаскульская культура. При сложении иткульская культура испытала сильное каменогорское влияние. Аналогии бронзовым вещам автор находит в ананьинских и большещеченских памятниках. Причина иткульско-большещеченских параллелей — общий андроновский корень. Характеризуя хозяйственный комплекс, К. В. Сальников выделяет металлургию, охоту, рыболовство, скотоводство, допускает земледелие.

Рамки существования исетской культуры значительно шире — VII в. до н. э. — II в. н. э. Территория — лесное Зауралье, Каслинский Урал, на востоке — до границы лесостепи, накладывается на иткульскую. Генетическая база — местные культуры эпохи бронзы: шигирская, андреевская и синтез их с андроновской. Большое влияние на формирование исетской оказала гамаюнская культура (в работе В. И. Липского⁴ гамаюнская и каменогорская культуры объединены в каменогорскую общность). Основным ремеслом была металлургия. Аналогии вещам найдены на ананьинских, скифских и сарматских памятниках. Из других занятий упоминается скотоводство и земледелие.

Из описаний видно, что иткульская и исетская культуры очень близки. Отмечая это, К. В. Сальников все же признает их самостоятельность. Однако часть аргументов в пользу самостоятельности отпадает в связи с изменениями в описании исетской посуды, сделанными позднее Е. М. Берс, другая, очевидно, была вызвана большой краткостью ее ранней публикации. И, наконец, тот факт, что одни и те же памятники (на горе Азов и на мысу Толстик) один автор называет исетскими, а другой иткульскими, свидетельствует о том, что доводы в пользу самостоятельности не имеют основания.

В работе В. Е. Стоянова эти памятники без аргументации объединены под названием иткульских. Позднее он пришел к выводу, что иткульские (в новом варианте) и воробьевские комплексы следует считать локальными вариантами исетской культуры⁵.

Таким образом, в немногочисленных работах предшественников трагируется традиционно широкий круг вопросов, однако суждения имеют очень скупое источниковедческое оснащение. С минимальной полнотой опубликовано лишь Большое Иткульское городище, почти всегда отрывочные сведения о других памятниках рассеяны в печатных и рукописных сочинениях. Настоящая статья — сводка этих материалов, в ней содержится описание посуды, поселений и жилищ, обсуждаются вопросы территории, единства и даты памятников.

1

К. В. Сальников выделил четыре формы посуды Большого Иткульского городища: горшки, низкие широкие чаши, формы переходные от горшков к чашам, безгорлые чашки. Судя по немногочисленным целым сосудам и крупным обломкам из других коллекций, близкие формы характерны для всей иткульской керамики. Сюда следует добавить еще сосуды в форме стаканов, найденные на Иртышском I, Шигирском городищах, селищах Верхняя Макуша, Коптяки 6.

Однако столь обобщенная и недостаточно детализированная схема оказалась мало пригодной для описания коллекций, обильных сильно фрагментированным материалом.

При подготовке настоящей статьи обработана керамика 14 больших коллекций с поселений Дальнего Багарякского, Петрогромского, Иртышского I, Шигирского, Шайдурихинского, на мысу Толстик, Коптяки 6, на Шарташских каменных палатках, горе Думной, Большого Иткульского, Андреевского, Носиловского II, на первом Карасьем озере, Аятского. Кроме того, использован материал поселений, содержащих небольшие количества или единичные экземпляры этой посуды, и ее описания в отчетах и публикациях. Учтена, таким образом, керамика более 40 памятников. В ходе работы стало ясно, что исетская керамика по основным признакам аналогична иткульской, поэтому эти памятники объединены под названием иткульских.

Иткульская посуда разделена мною на два типа по особенностям набора элементов орнамента, формы венчика и шейки. У сосудов I типа венчик, как правило, плоский, изредка округлый и чуть утолщенный. Толщина корпуса на венчике, шейке, стенке — 4—6, у дна 4—9 мм. У посуды II типа венчик скошен, имеет заостренную или округлую форму толщиной 1—5 мм. Равномерно утолщаясь, шейка на линии сгиба достигает максимума 7—15 мм. На плечиках толщина резко падает и стенки не превышают 4—6 мм. Таким образом, если у сосудов I типа корпус имеет почти одинаковую толщину во всех точках измерения, исключая днище (рис. 1), то для сосудов II типа характерно значительное утолщение горла в точке перегиба (рис. 2-3, 5, 6). Шейки у сосудов I типа бывают: 1) прямыми вертикальными; 2) прямыми

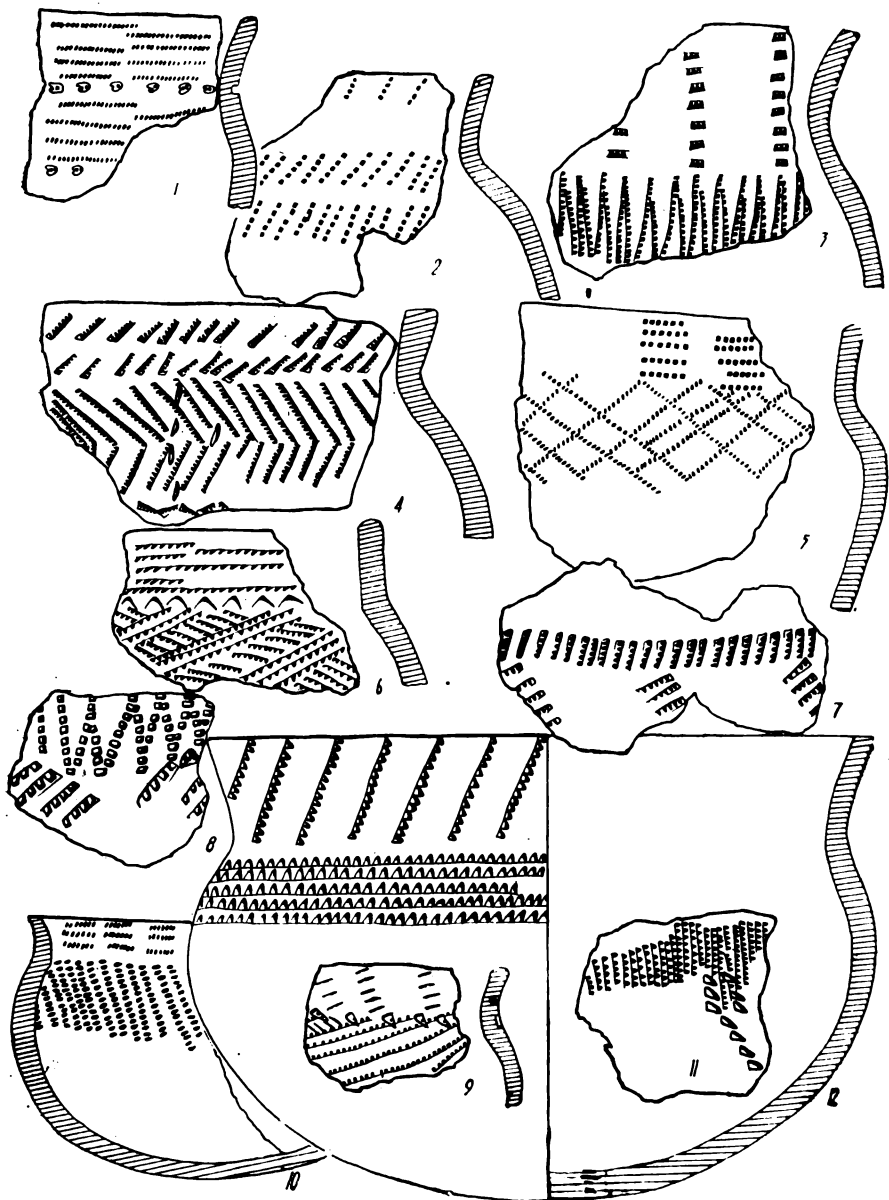

Рис. 1. Керамика

1 — Большое Иткульское городище; 2, 8 — Иртышское I городище; 3, 5, 10, 12 — городище Шайдуриха; 4 — Первое Карасье озеро; 6, 9 — поселение на мысу Толстик; 7 — городище на г. Дуинной; 11 — Петрогром

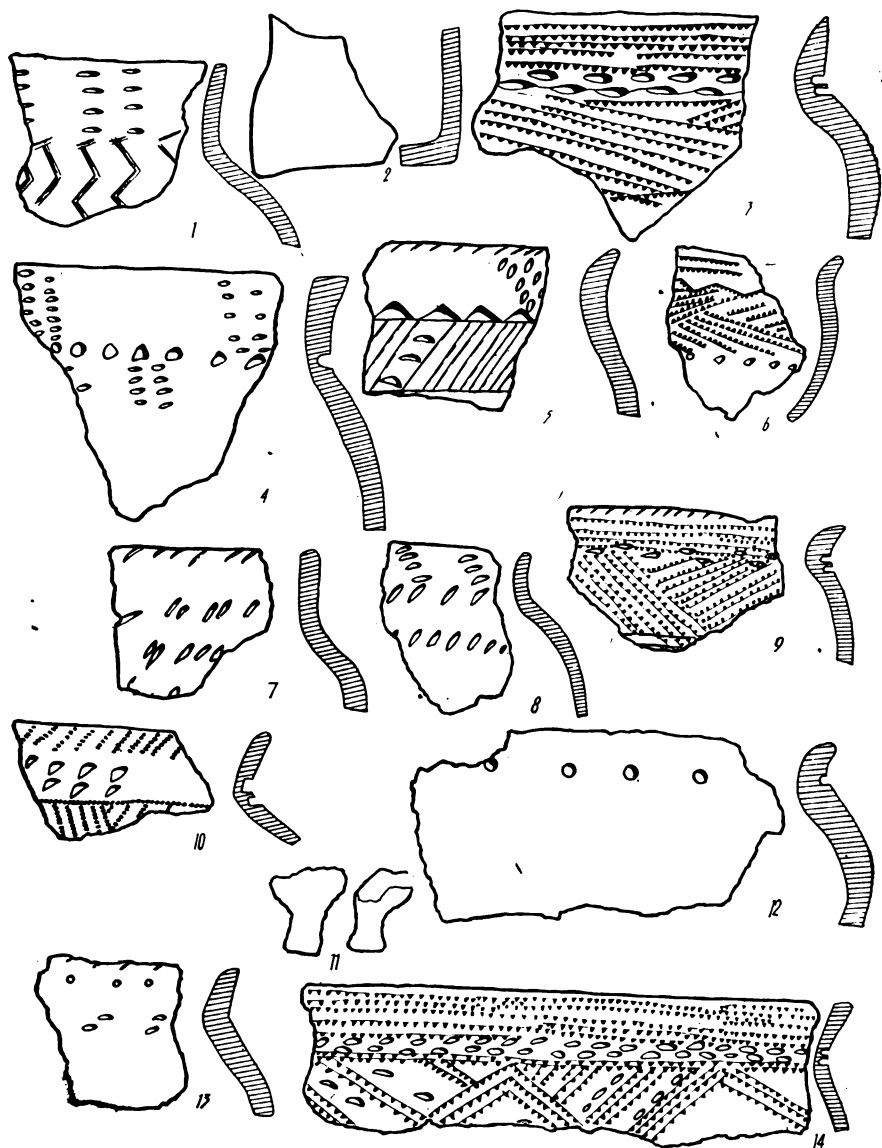

Рис. 2. Керамика

1, 8 — городище Шайдуриха; 2 — поселение Коптяки 6; 3, 7 — Аятское поселение; 4 — Большое Иткульское городище; 5, 6, 9, 12, 13 — поселение на мысу Толстик; 10, 11 — Иртышское I городище

отогнутыми; 3) дугообразными отогнутыми; 4) дугообразными вогнутыми. У сосудов II типа встречены шейки 1—3 подразделений. Среди иткульской посуды встречаются безгорлые чашки, по ряду других признаков их можно отнести к сосудам I типа. Тулово сосудов округло,

иногда с чуть уплощенным или, напротив, конусовидным днищем. Замеры показывают, что диаметры по венчику варьируют от 10 до 40 см для I типа, обычные диаметры 17—24 см, для II типа — 28—40 см. Высота шейки от 1 до 3,5 см, но у II типа, как правило, 1—2 см.

Лепка сосудов ручная, обжиг хороший; черепки плотные. В качестве примеси почти всегда использовали тальк, но в тесте сосудов II типа тальк и слюда добавлялись не так обильно. Наряду с тальком употреблялись слюда, дресва, песок, шамот, изредка растительная примесь. Причем определенная, сопутствующая тальку примесь преобладает на том или ином поселении: на Иртышском I городище 73% посуды сделано с примесью слюды, 9% — с дресвой, на городище Шайдуриха уже 84% — с дресвой и единицы — со слюдой и т. п. Внешняя поверхность гладкая, лишь иногда на ней заметны штрихи первичной обработки, внутренняя гладкая лишь у половины фрагментов, у другой — отчетливы следы обработки травой, щепкой, гребенчатым штампом или предметом из широких и гладких пластин. Цвет черепков коричневатый с оттенками от желтого до красноватого.

Почти вся иткульская посуда орнаментирована. Узор накладывался на верхнюю треть сосуда, как правило, в две зоны: одна на шейке, другая — на плечике, иногда в одну — на горло и плечики. На сосудах южного куста (Челябинская обл.) нередко три зоны: две на плечиках, одна на шейке. Преобладающая часть сосудов (от 80 до 90% на различных поселениях) орнаментирована гребенчатым штампом, значительно реже (от 5 до 20%) резной техникой, насечками и гладким штампом. Иногда сосуды орнаментированы смешанной техникой. На многих сосудах рисунок дополнен ямками. Гребенчатый штамп по густоте, величине и форме зубцов бывает разнообразным, причем не только на одном поселении, но даже на одном сосуде (рис. 1-5, 10). Чаще всего гребенка бывает мелкой и достаточно густой, особенно это справедливо для посуды II типа. Зубцы же имеют треугольную, четырехугольную, овальную, округлую и арочную форму.

Орнаментальные традиции иткульской посуды достаточно стабильны. По верхнему ребру шейки на большей части сосудов наносилась наклонная насечка или оттиски (2—3 зубца) мелкой гребенки. Особенно это характерно для сосудов II типа. Сама же шейка чаще всего орнаментирована наклонными или вертикальными столбиками коротких оттисков — лопастями (рис. 1-3, 5, 10), наклонными параллелями (рис. 1-2, 4, 12), центрическими горизонталями (рис. 1-6; 2-4, 9, 14). Редкими элементами в этой зоне бывают взаимопроникающие, разноштрихованные углы, смежные поля вертикальных или горизонтальных оттисков, горизонтальная или вертикальная елочка.

У сосудов I типа орнаментальная зона на шейке очень часто завершалась ломаной линией; цепочкой треугольных вдавлений, выполненных гладким или гребенчатым штампом (рис. 1-6, 9); иногда это цепочка подковообразных или круглых ямок (рис. 1-1). У сосудов II типа таким завершающим элементом являются два ряда ямок, расположенных в шахматном порядке. Между рядами нередко проходит валик. Форма ямок бывает круглой, треугольной, четырехугольной, овальной

(рис. 2-3, 9, 14). Сдвоенные ряды ямок на сосудах II типа порой проходят по верху шейки, по сгибу и подчеркивают орнамент на плечиках. Этот элемент орнамента является вторым типобразующим признаком сосудов II типа.

Зона на плечиках чаще всего заполнялась следующими элементами: наклонными параллелями (рис. 1-2, 9—11; 2-5), взаимопроникающими углами (рис. 2-6), горизонтальной елочкой (рис. 1-4), смежными полями вертикальных и горизонтальных оттисков (иногда оттиски наклонные), реже — центрическими горизонталями (рис. 1-12), лопастями, зигзагом (рис. 2-1), очень редко — ромбической сеткой (рис. 1-5), шагающей гребенкой (рис. 1-8). Орнаментальная зона на плечиках завершается теми же элементами, что и на горле (рис. 1-1, 4; 2-3, 6, 9), или же лопастями-подвесками (рис. 1-7, 8). Чаще всего они встречаются на сосудах Большого Иткульского городища, реже на других поселениях. Иногда поверх основного орнамента накладывались вторичные оттиски треугольников (рис. 1-11), хомутиков, насечек (рис. 1-4) или круглозубой гребенки.

В орнаментации сосудов северных и южных поселений существует некоторое своеобразие. Так на памятниках, лежащих севернее (Свердловск и его окрестности), несколько чаще употребляются усложненные элементы: взаимопроникающие треугольники, разноштрихованные поля, «елочка»; на южных же (Челябинская обл.) предпочтение отдается наклонным разреженным оттискам, расположенным в одну, две, а нередко и в три зоны (рис. 1-2).

Что касается композиционного построения элементов орнамента, то оно разнообразно. На отдельных памятниках — мыс Толстик, Иртышское I городище почти каждый сосуд чем-то отличается от предыдущего, например на 63 сосудах поселения мыс Толстик отмечено 54 вариации элементов, на других поселениях круг возможных композиций сужается, например на сосудах городища Шайдуриха часто встречается такая схема: по шейке — вертикальные лопасти, по стенке — взаимопроникающие углы (29%) или по шейке — лопасти, по стенке — наклонные оттиски гребенки (19%).

Помимо всего необходимо выделить группу керамики, которая встречается в коллекциях городищ Шигирского (36%), Шайдурихинского, Большого Иткульского (рис. 1-3). Шейка этих сосудов бывает прямой вертикальной, дугообразной вогнутой, а чаще дугообразной отогнутой; высота шейки максимальная; переход ее в тулово более плавный, плавный; внутренняя поверхность часто заглаживается гребенкой. Обращает на себя внимание орнамент этой керамики: если на всех иткульских сосудах первая зона располагается строго лишь на шейке, то на этих фрагментах орнамент первой зоны, состоящий из лопастей, опускается на плечики. Оттиски короткие (2—3 зуба), глубокие; гребенка среднего размера. Стенки украшались обычно наклонными параллелями, взаимопроникающими углами, шагающей гребенкой.

Сосуды с насечками, резьбой и оттисками гладкого штампа составляют относительно небольшой процент от общего числа керамики. Вариационный размах равен 3% (Шарташские палатки) — 21% (Большой

шое Иткульское городище). Сосуды, орнаментированные резьбой и гладким штампом (часто они дополняют друг друга), сделаны аккуратно, элементы композиции аналогичны тем, что выполнены гребенкой (рис. 2-1, 5, 7, 8, 13). Сосуды, орнаментированные техникой насечки, несколько грубее, рисунок выполнен небрежно и состоит из одного-трех поясков глубоких насечек, расположенных на шейке и плечиках или на их границе (рис. 2-7). Иногда вверх и вниз от этого пояса опущены лопасти из двух звеньев насечек (рис. 2-4).

Итак, анализ формы и орнаментики иткульской керамики убеждает в правоте исследователей-предшественников по вопросу об основных генетических корнях этого комплекса. Округлость тулова и днища — наиболее употребимые элементы композиции: взаимопроникающие треугольники, вертикальные, горизонтальные зигзаги, горизонтальные и наклонные параллели, лопасти-столбики, косая решетка, шагающая гребенка, елочка и другие — все это находит полную аналогию в традициях местных лесных племен III—II тысячелетий до н. э. В то же время основной признак керамики II типа — сдвоенный ряд ямок — является типичным элементом предшествующей гамаюно-каменогорской культуры. Очевидно, данное сочетание отражает влияние каменогорской культуры на иткульскую. В таком случае второй тип иткульской керамики должен предшествовать первому. В пользу этого предположения говорит тот факт, что орнаментальная композиция сосудов II типа состоит преимущественно из сложных элементов, наиболее характерных для орнамента зауральских культур эпохи бронзы. На поселениях оба типа сосуществуют друг другу в разном соотношении и лишь Андреевская стоянка дает чистый комплекс II типа, что также подкрепляет положение о хронологическом различии типов. Анализ иткульской орнаментики дает основание для выделения двух локальных групп поселений: северной (Свердловская обл.), где чаще использовался набор сложных элементов, и южной (Челябинская и Курганская обл.), где предпочтение отдавалось более простым.

Особо следует упомянуть о керамике поселения Чебаркуль IV (рис. 2-14). Ее нельзя определенно отнести к какому-либо из двух типов, т. к. сосуды сочетают в себе профиль керамики I типа и характерные для II типа ямки в шахматном порядке. Очевидно, в данном случае мы имеем памятник с керамикой переходного облика. На других поселениях встречены лишь единичные фрагменты с отклонениями от типичного облика (рис. 2-5, 6, 10).

2.

Картографировано 40 поселений с иткульской керамикой. Однако 15 из них содержат единичные фрагменты, поэтому предметом описания стали только 25 поселений. Они тянутся полосой примерно в 150 км вдоль восточного склона Уральского хребта. Северная ее граница проходит по верховьям р. Реж (правый приток р. Ницы), самый южный памятник расположен на оз. Чебаркуль, восточная граница проходит примерно по устью р. Синары (правый приток р. Исети).

Поселения бывают укрепленными (10 городищ) и неукрепленными (14 селищ, стоянок и т. п.). Почти все неукрепленные поселения концентрируются вокруг озер. Они расположены на высоких мысовидных выступах, в седловинах, на небольших островах. Два селища (Шарташское и Верхнее Макушинское) занимают плато каменных палаток, одно (Раструсское) расположено низко у воды. Площадь этих поселений колеблется в пределах от 200 м² (Верхняя Макуша)⁶ до 6000—9000 м² (Абселямовское⁷ и Раструсское⁸), мощность культурного слоя от 10 до 40 см.

Городища занимают мысовидные выступы террас высотой от 3 м (Шигирское⁹) до 25 м (на горе Думной¹⁰), чаще 9—10 м. По планировке укреплений их можно разделить на три группы. Оборонительные сооружения городищ первой группы (Носиловское II¹¹, на горе Думной Большое и Малое Иткульское¹², Дальнее Багарякское¹³, Никитинское¹⁴, Каменогорское¹⁵), состоящие из рва и вала, охватывают жилую площадку полукольцом. Со стороны водоема остается крутой и высокий обрыв. Нынешние размеры сооружений невелики (ширина в среднем 7—10 м, иногда 3 м). Рвы неглубокие (0,5—1 м) и узкие (средняя ширина 3—4,5 м). Валы массивные (высота со стороны рва 1—1,5 м, со стороны площадки 0,5—1 м; ширина 3—7 м). Они сложены из земли и иногда дополнительно укреплены. Так, на горе Думной в основании вала, сложенного из глины, зафиксирована каменная кладка, а на гребне деревянная ограда из горизонтально уложенных бревен, укрепленных вертикальными столбами. Дальнее Багарякское городище первоначально тоже было огорожено, позднее поверх изгороди был насыпан земляной вал.

Ко второй группе относится Иртяшское I городище, ограниченное неглубоким кольцевым рвом. Вала ни один исследователь не упоминает. П. А. Дмитриев отметил, что край городища был обложен камнями.

К третьей группе относятся два городища: Коровяковское¹⁶ — его кольцевой ров с напольной стороны дополнен полукруглым невысоким валом — и Шайдуриха¹⁷, где кольцевой вал с напольной стороны дополнен полукольцевым рвом.

Своеобразно Шигирское городище. Оно расположено на острове, на конце его продолговатого выступа, площадка городища при этом соединена с островом узким перешейком. С двух сторон поселение укреплено валом, а с перешейка ограничено уступом в 1,2 м.

Почти все иткульские городища одноплощадочные, и лишь Малое Иткульское имеет две площадки.

По размерам городища можно разделить на малые и большие. Площадь малых — до 1 тыс. м², обычно 400—500 м², это северные поселения: на горе Думной (26×24 м), Шайдуриха (25×25 м), Шигирское (диаметр 26 м). Площадь больших — 1—3 тыс. м², они сосредоточены на юге.

На четырех поселениях вскрыты остатки жилых сооружений.

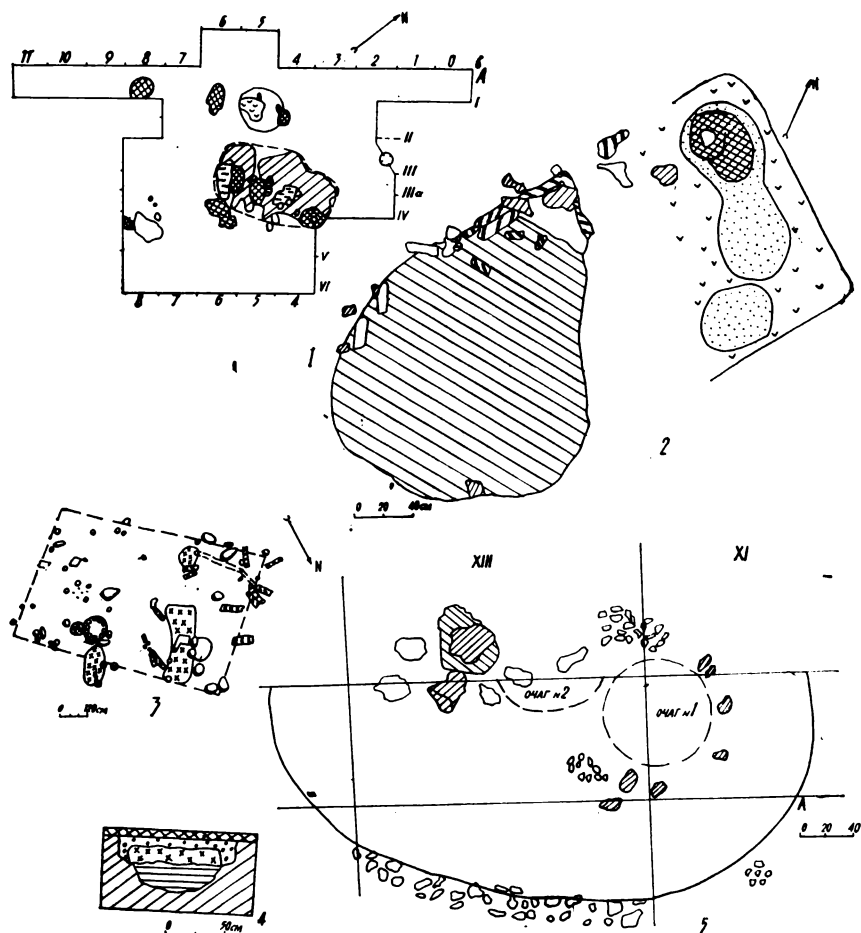

Рис. 3. Планы иткульских жилищ

Наиболее полноценный материал дало Иртышское I городище, где раскопано два жилища — одно в центре, другое у края. Остатки первого (рис. 3-2) сохранились в виде прямоугольного котлована размерами $7 \times 3,5$ м и глубиной 90 см от современной поверхности. Вокруг котлована не отмечено ни одной ямки, очевидно, система, несущая покрытие, делалась без врытых столбов. На высоте 40 см от пола вдоль северо-западной стенки и перпендикулярно ей обнаружены деревянные, обугленные горбыли, очевидно, остатки нар и внутренней перегородки. Тут же лежали крупные камни. В юго-западной половине жилища пол покрыт слоем (10 см) необожженной красной глины. В северо-восточной части вскрыт комплекс из двух очагов, которые представляют собой ямы глубиной 40 см. Одна имеет форму круга,

другая — восьмерки. Причем в одной половине последней обнаружены куски белой необожженной глины — остатки относительно сложной конструкции с подом, стенами и сводом. Рядом с ней лежали куски железного шлака и пережженной глины.

Остатки второго жилища (рис. 3-5) имели вид овальной ямы, срезанной на севере старой траншеей В. Г. Дружинина. Глубина ямы от современной поверхности 0,9 м, от древней — 0,75 м. Стенки покатые и неровные. Длина ямы по полу 3,7 м, но в устье, очевидно, была 4,5 м. Дно ямы лежит на скале, поэтому пол неровный. На нем фиксируются два округлых очага. Первый — в яме диаметром 65 см и глубиной 10 см. Заполнение — уголь, зола, кости животных, рыбные кости и чешуя. Второй очаг лежит рядом, но выше на 35 см, в яме глубиной 10 см, на дне прослойка из белой глины. В очаге найдены кости, черепки, обломки грузил, железные шлаки. Разные уровни очагов — результат неровности скалистого пола. Возможно, очаги составляют единое сооружение, аналогичное описанному в первом жилище.

Верхнее Макушинское жилище расположено на плато каменной палатки. Имеет форму четырехугольника (9×6,4 м), ориентированного по линии ЮВ — СВ. Жилище, очевидно, было наземным: его основание углублено лишь на 30 см. Стены, согласно реконструкции Е. М. Берс, сложены из бревен, закрепленных вертикальными столбами и камнями. На полу фиксируются два очага. Первый — в яме диаметром 65 см и глубиной 40 см. Рядом с ним две каменные плиты, кости, фрагменты сосудов. Второй (рис. 3-4) — в яме глубиной 50 см, диаметром 1 м, сверху и с боков он имеет облицовку толщиной в 10 см из глины с примесью мелких дробленых костей. Мощность очажного слоя 18—28 см. Вероятно, это печь. Вокруг нее лежали литейные формы, слитки металла, шлак, куски железной и медной руды.

На Дальнем Багарякском городище К. В. Сальников вскрыл одно наземное жилище, которое фиксируется по следующим остаткам: на глубине 12 см пятно прокаленной глины (65×50 см), возможно, остатки очага, на нем и вокруг найдены фрагменты посуды, обломок медного изделия, бронзовый наконечник стрелы. Несколько западнее на глубине 30 см обнаружено второе пятно площадью 1,25×3 м и толщиной 8—25 см (по мнению К. В. Сальникова, это частичная обмазка пола).

На вскрытой площадке Большого Иткульского городища К. В. Сальников предполагает наличие двух наземных сооружений типа срубов или чумов. От первого жилища сохранились нечеткие очертания вытянутой формы площадью 16 м² (рис. 3-1). На полу — следы кострища, камни, пятна пестрой глины с примесью золы и участок с измельченным медистым песчаником. На площади предполагаемого жилища находилось два завала керамики и множество обугленных кусков бересты (остатки крыши?). Остатки другого наземного жилища можно предположить на участке у вала, где установлено некоторое углубление культурного слоя и симметричное расположение углистых полос — возможно, на месте стен.

На городище были найдены куски широкой, слабообожженной чаши, которые с внутренней стороны на 0,2—0,3 см были покрыты си-

ликатным шлаком, а с наружной — отпечатками травы, земляных комьев, прикипевшим песком. Найденные куски глины явно служили для обмазки дна и стенок очажной ямы.

Итак, судя по остаткам, иткульские жилища заметно различались по размерам (25 м² на Иртяшском I городище, 58 м² — на селище Верхняя Макуша), планировке (прямоугольные и овальные), конструкции и интерьеру (полуземляночные и наземные, с глиняными вымостками, деревянными лежанками и без них, с одним или двумя очагами, причем один из них в виде глинобитной печки).

4.

Для датировки иткульских поселений интересно проанализировать их стратиграфию. Часть поселений относится к числу однослойных (Иртяшское I, Дальнее Багарякское, на мысу Толстик¹⁸, Шигирское, Андреевское¹⁹). Мощность культурного слоя на них относительно небольшая (0,2—0,5 м). Основным содержанием слоя является иткульская керамика, иногда ей сопутствуют немногочисленные обломки сосудов иного облика (каменогорского, гороховского и петрогромского на Иртяшском I, каменогорского и воробьевского на Дальнем Багарякском поселении).

Чаще всего иткульский слой залегает на многослойных поселениях, где иткульские остатки перекрываются пластом с материалом от рубежа эры и позднее (Абселямовское, Большое Иткульское, Петрогром)²⁰. Подстилается иткульский слой пластом с керамикой разбитой (Верхнее Макушинское) и поздней бронзы (Аятское)²¹, каменогорской и носиловской (Носиловское II)²², алакульской, замараевской и каменогорской (Абселямовское), только каменогорской (Шайдуриха).

На нескольких многослойных поселениях в одном слое с иткульской встречается керамика каменогорская и гороховская (Коровяковское, Шайдуриха), каменогорская и воробьевская (Дальнее Багарякское), только воробьевская (Носиловское II, Петрогром, Воробьевское)²³.

На основании приведенных выше наблюдений можно установить широкие хронологические рамки иткульских поселений. Нижняя граница определяется стратиграфическим положением остатков эпохи поздней бронзы и каменогорской культуры, т. е. VIII—VII вв. до н. э. Нижним рубежом не может быть VI в. до н. э., до которого доживают каменогорские памятники, так как стратиграфия городищ Шайдуриха и Дальнее Багарякское может свидетельствовать об определенном периоде сосуществования иткульских и каменогорских поселений. Верхняя грань может быть определена близкой к рубежу нашей эры. Залегание в одном стратиграфическом слое иткульской, воробьевской и гороховской керамики может свидетельствовать об их синхронности.

Более точная датировка некоторых поселений в свое время была сделана исследователями. Часть дат не вызывает возражений: поселения Раструсс — VI—IV вв. до н. э. и Абселямовское VII—V вв. до н. э., селище Верхняя Макуша — VII—IV вв. до н. э. Другая часть требует уточнений.

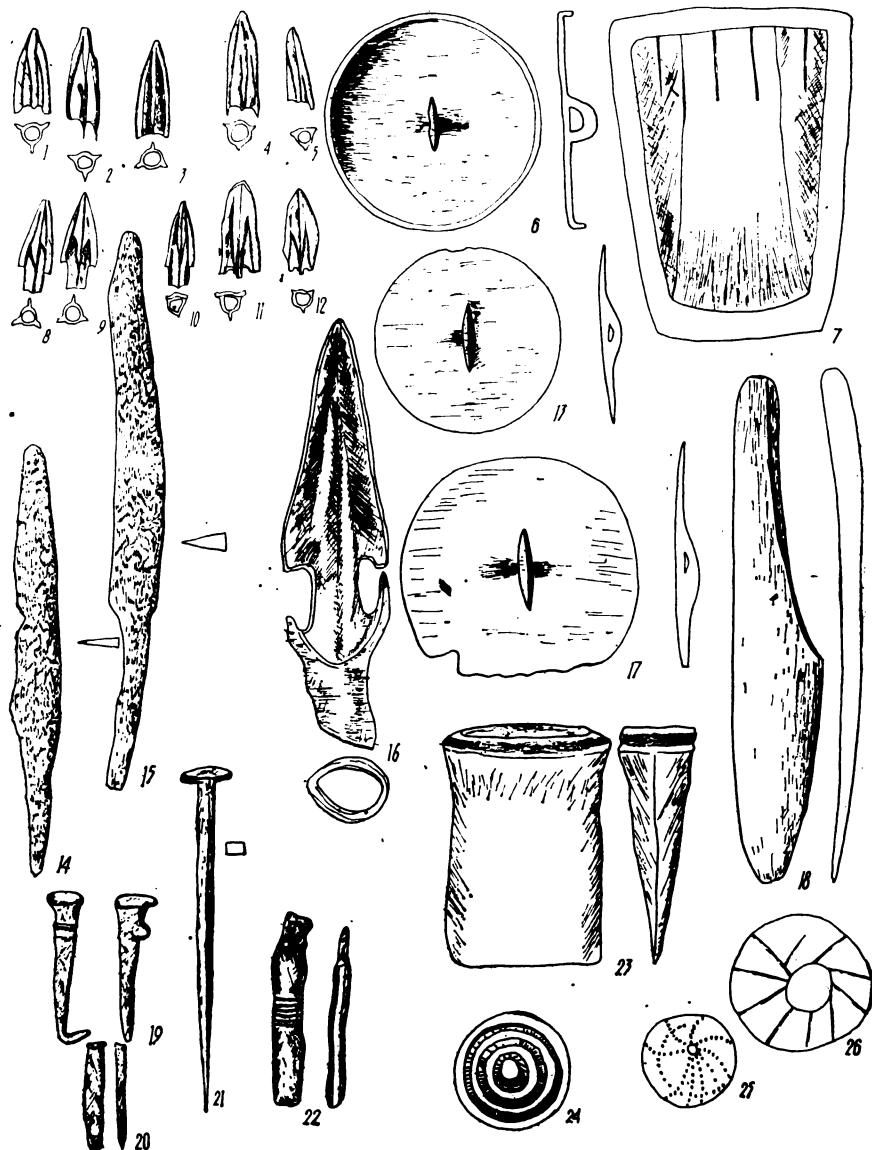

Рис. 4. Вещи с иткульских поселений

Иртяшское I городище датировано П. А. Дмитриевым IV—III вв. до н. э. по находкам бронзовых наконечников стрел, формы для их отливки, медного кельта (рис. 4-23), глиняной рюмочки (рис. 2-11.) Из пяти бронзовых втульчатых наконечников стрел два — трехлопастные, со сводчатой головкой и выступающей втулкой (рис. 4-9, 10).

По классификации К. Ф. Смирнова, они относятся к VIa типу и датируются VI—III вв. до н. э.²⁴ Один наконечник трехгранный с треугольной головкой, снабженный шипом и скрытой втулкой (рис. 4-5). По той же классификации он может быть отнесен к XVI типу и датирован V в. до н. э.²⁵ Два наконечника — трехлопастные, со сводчатой головкой и скрытой втулкой (рис. 4-11, 12): один имеет косо срезанные лопасти, другой, снабженный небольшими шипами, относится к XII типу. Наконечники таких пропорций были распространены в VI—V вв. до н. э.²⁶ На Иртышском I городище был найден еще ряд предметов, которые позволяют уточнить дату его заселения, например два бронзовых зеркала. Одно из них плоское, без бортика, с петлей на обратной стороне (рис. 4-17). Подобные зеркала часто встречаются в погребениях Томского могильника, датируются они VII—VI вв. до н. э.²⁷ Другое зеркало — с высоким бортиком и петлей на обороте (рис. 4-6). Аналогичные зеркала широко распространены в памятниках кочевников Алтая, датируемых VII—V вв. до н. э.²⁸ Три костяных ножа (рис. 4-18), которые повторяют бронзовые, типичные для первого этапа большереченской культуры VII—VI вв. до н. э.²⁹ Таким образом, на основании приведенных аналогий можно утверждать, что заселение Иртышского I городища иткульскими племенами началось не позднее VI в. до н. э. Его верхняя дата определяется находками железных односторонних ножей (рис. 4-14, 15), которые могли появиться в IV—III вв. до н. э.³⁰ В целом городище можно датировать VI—III вв. до н. э.

Хронологические рамки Дальнего Багарякского городища устанавливаются К. В. Сальниковым очень широко — в пределах I тысячелетия до н. э. На основании вещевого материала, собранного при раскопках В. И. Липского в 1967 г., можно указать более точную дату. Бронзовое шило с гвоздеобразной шляпкой (рис. 4-21) аналогично найденным на Ближних Елбанах и датированным VII—VI вв. до н. э.³¹ Семь бронзовых трехлопастных наконечников стрел, все они втульчатые. Один наконечник, имеющий выступающую втулку (рис. 4-8) и аналогичный наконечнику с Иртышского I городища, относится к VIa типу классификации К. Ф. Смирнова и датируется VI—III вв. до н. э.³² Остальные базисные со сводчатыми головками и переходящими в шипы лопастями (рис. 4-1, 2, 3, 4). Их можно отнести к XII типу классификации К. Ф. Смирнова и датировать VI—III вв. до н. э.³³ Если к тому же учесть, что основная масса иткульской керамики на городище относится к первому, как предполагается, более раннему типу, то более обоснованной будет нижняя граница — VII в. до н. э. В целом же поселение можно датировать VII—III вв. до н. э.

Поселение на мысу Толстик П. А. Дмитриев датирует ананьинским временем. Все бронзовые вещи и литейные формы могут быть датированы VII—IV вв. до н. э. Прорезное копье ананьинского типа (рис. 4-16) относится к VI—IV вв. до н. э.³⁴ Плоские зеркала без бортиков и с петлей на обороте (рис. 4-13), аналогичные зеркалам из погребений Томского могильника, датируются VII—VI вв. до н. э.³⁵ Форма для отливки базисного трехлопастного наконечника стрелы со

сводчатой головкой и шипами, относящегося к XII типу классификации К. Ф. Смирнова, датируется VI—III вв. до н. э.³⁶ Форма для отливки кельта (рис. 4-7), который К. В. Сальников относит к западно-сибирским, бытует в VIII—VI вв. до н. э.³⁷ Итак, памятник мог заселяться в период с VII по IV вв. до н. э.

Иткульский слой городища Шайдуриха Е. М. Берс датирует IV в. до н. э.—первыми веками н. э., считая, что достаточным основанием этой даты служит находка четырех бронзовых наконечников стрел. Судя по фотографии³⁸, два наконечника имеют сводчатые головки, внутренние втулки и дугообразный вырез базы. Это стрелы XIV типа классификации К. Ф. Смирнова, они датируются VI—III вв. до н. э.³⁹ Один наконечник трехлопастной, с короткими шипами, лопасти дугообразные, неширокие, скорее напоминают ребра. Наконечник можно отнести к XII типу классификации К. Ф. Смирнова и датировать VI—II вв. до н. э.⁴⁰ Для датировки поселения не был использован бронзовый нож, найденный в этом же слое. Описание ножа в тексте отсутствует. Фотография, сделанная в поле, позволяет говорить лишь об общей форме ножа, который, очевидно, относится к типу без выделенной ручки. Подобные ножи—частая находка в Минусинской котловине Средней Азии, Казахстане, Зауралье. Близкие формы были встречены на Большом Иткульском городище. По классификации Н. Л. Членовой, они относятся к подклассу II/16 и датируются VII—VI вв. до н. э.⁴¹ Приведенные выше аналогии позволяют датировать иткульский слой городища Шайдуриха VI—III вв. до н. э.

Иткульский слой Большого Иткульского городища датируется К. В. Сальниковым V—началом IV в. до н. э., однако некоторые находки указывают на более раннюю дату. Трехлопастной наконечник стрелы, имеющий лавролистную головку, длинную втулку с шипом на конце, относится ко II типу классификации К. Ф. Смирнова и датируется VII—VI вв. до н. э.⁴² Бронзовые плоские однолезвийные ножи без выделенной ручки или с чуть заметным уступом относятся к подклассу II/16 классификации Н. Л. Членовой и датируются VII—VI вв. до н. э.⁴³ Очевидно, это городище было заселено не позднее VI в. до н. э.

Итак, иткульские поселения можно датировать VII—III вв. до н. э.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ П. А. Дмитриев. Отчет 1938 г.

² К. В. Сальников. Основные итоги и проблемы археологического изучения Южного Урала.— ВАН, вып. 1, 1961; Он же. Иткульская культура.— В сб.: Краеведческие записки, вып. 1. Челябинск, 1962; Он же. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.

³ Е. М. Берс. Археологические памятники Свердловска и его окрестности. Свердловск, 1963.

⁴ В. И. Липский. Каменогорская культурная общность Урала. Дипломная работа (1964).— АКА УрГУ, ф. 3, д. 15.

⁵ В. Е. Стоянов. Ранний железный век Западно-Сибирской лесостепи (опыт классификации и периодизации). Канд. дис. Свердловск, 1969; Он же. Классификация и периодизация западно-сибирских лесостепных памятников раннего железного

века.— В сб. Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970.

⁶ Е. М. Берс. Отчеты 1950 и 1951 гг.

⁷ Н. П. Кипарисова. Отчет 1954 г.

⁸ Е. М. Берс. Отчет 1948 г.

⁹ Д. Н. Эдинг. Отчет 1930 г.

¹⁰ Е. М. Берс. Отчет 1951 г.

¹¹ К. В. Сальников и Н. П. Кипарисова. Отчет 1954 г.

¹² Н. П. Кипарисова. Отчет 1953 г.

¹³ К. В. Сальников. Дневник работы Багарякского отряда. Челябинский краеведческий музей, оп. 187.

¹⁴ Он же. Исетские древние поселения.— СА, 1950, с. 212.

¹⁵ Е. М. Берс. Археологические памятники..., с. 75.

¹⁶ Ю. П. Кутаков, Н. Лепкова. Отчет 1962 г.

¹⁷ Е. М. Берс. Археологические памятники..., с. 72—73.

¹⁸ П. А. Дмитриев. Об археологических исследованиях в Свердловской области летом 1940 г.— КСИИМК, вып. 12, 1946.

¹⁹ В. Е. Стоянов, М. В. Романова. Отчет 1968 г.

²⁰ Е. М. Берс. Археологические памятники..., с. 102—106.

²¹ Там же, с. 93.

²² В. Е. Стоянов. Отчет 1963 г.

²³ В. Е. Стоянов, М. М. Чеснокова. Отчет 1961 г.

²⁴ К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов.— МИА, № 101, табл. 2.

²⁵ Там же, табл. 5; В-88.

²⁶ Там же, табл. 3, Б, В.

²⁷ М. Н. Комарова. Томский могильник — памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири.— МИА, № 24, 1952, с. 43.

²⁸ М. П. Грязнов. Памятники Майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае.— КСИИМК, вып. 18, 1947, с. 11, рис. 10.

²⁹ Он же. История древних племен Верхней Оби.— МИА, № 48, 1956, табл. 16, рис. 7, табл. 9, рис. 1.

³⁰ М. Г. Мошкова. Памятники прохоровской культуры. Свод археологических источников. М., 1963, табл. 22, рис. 29, 10.

³¹ М. П. Грязнов. История..., табл. 16, рис. 4, 5.

³² К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов, табл. 2.

³³ Там же, табл. 3.

³⁴ А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху.— МИА, № 30, 1952, с. 97.

³⁵ М. Н. Комарова. Томский могильник..., с. 43, рис. 1—7.

³⁶ К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов, табл. 3.

³⁷ В. Н. Чернецов. Опыт типологии западно-сибирских кельтов.— КСИИМК, вып. 16, 1947, с. 68.

³⁸ Е. М. Берс. Отчет 1959 г., рис. 125а.

³⁹ К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов, табл. 5.

⁴⁰ Там же, табл. 3.

⁴¹ Н. Л. Членова. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967, с. 170.

⁴² К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов, табл. 2, А, б.

⁴³ Н. Л. Членова. Происхождение..., с. 170.